

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЭМОЦИИ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ — ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИЙ

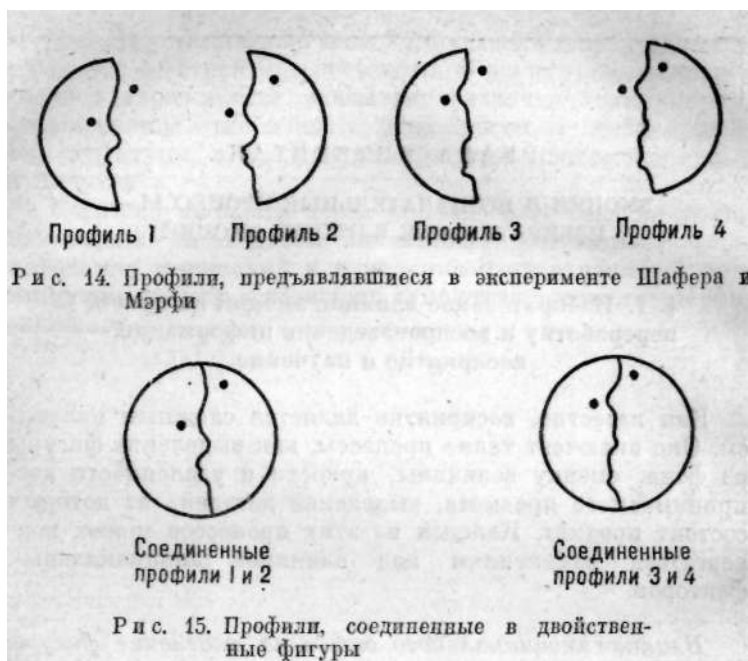
§ 1. Избирательное влияние эмоций на прием, переработку и воспроизведение информации — восприятие и научение

Как известно, восприятие является сложным явлением. Оно включает такие процессы, как выделение фигуры из фона, оценку величины, яркости и удаленности воспринимаемого предмета, выделение деталей, из которых состоит предмет. Каждый из этих процессов может подвергаться изменениям под влиянием эмоциональных факторов.

Влияние эмоционального опыта на выделение фигуры из фона. Процесс выделения фигуры из фона играет в восприятии существенную роль (Szewczuk, 1951, гл. XI). Среди факторов, детерминирующих этот процесс, в первую очередь обычно указывают на организацию перцептивного материала. Однако оказалось, что на ход и результат этого процесса оказывают влияние также и факторы эмоциональной природы.

Об этом говорят, в частности, исследования Шафера и Мэрфи (см. Hall, Lindzey, 1960). Испытуемым примерно на Уз сек показывали контур лица (см. рис. 14) и предлагали запомнить одновременно предъявляемые названия.

Лица предъявлялись многократно, причем два из них постоянно подкреплялись вознаграждением — после их экспозиции испытуемый получал 2 или 4 цента, за экспозицией остальных лиц регулярно следовало наказание — испытуемый сам должен был платить 2—4 цента. Каждое лицо экспонировалось 25 раз; вознаграждения и наказания распределялись таким образом, чтобы в конце эксперимента испытуемые могли немного заработать ((примерно 15 центов). Критический момент эксперимента

состоял в предъявлении двойственной фигуры, получаемой путем сочетания двух профилей (см. рис. 15).

Испытуемые должны были сказать, какое лицо они видят на этом двойственном рисунке. Оказалось, что из общего числа 67 предъявлений в 54 случаях испытуемые воспринимали лицо, которое сопровождалось положительным подкреплением. Другими словами, из фона выделялась та конфигурация раздражителей, с которой был связан положительный эмоциональный опыт.

Следует подчеркнуть, что испытуемым не сообщали, за что они получали вознаграждение или наказание. Тенденция к восприятию того, что получало положительное подкрепление, проявлялась как бы автоматически.

С точки зрения здравого смысла результат данного исследования может показаться совершенно очевидным; разве не естественно, что у пас существует тенденция к восприятию того, что влечет за собой награду или поощрение? Однако дело обстоит отнюдь не так просто. Возникает вполне законный вопрос: почему получение 15 центов должно оказывать какое бы то ни было влия-

ние на организацию поля восприятия? Почему наши глаза лучше видят то, что сулит столь незначительное вознаграждение? Заслуживают ли результаты эксперимента доверия?

В пользу полученных данных свидетельствует тот факт, что два других исследователя, повторивших эксперимент, а именно Смит и Хохберг (цит. по: Postman, 1953), получили аналогичные результаты. Исследования же Барбары Кон (там же, с. 83—84) создают несколько иную картину. Вместо контуров лиц Кон предъявляла испытуемым бессмысленные слоги с разной частотой — от 1 до 25 раз. Как и в эксперименте Шафера и Мэрфи, предъявление одних слогов сопровождалось денежным вознаграждением, других — денежным наказанием. Но были и такие слоги, за которыми не следовало ни положительного, ни отрицательного подкрепления. Затем испытуемым предлагалось несколько перцептивных тестов, позволявших оценить правильность восприятия слогов. Каковы были результаты этого эксперимента? Прежде всего было установлено, что качество восприятия зависит от степени знакомства со слогом, то есть от числа предъявлений: чем более знакомым был слог, тем легче он воспринимался. Этот результат находится в полном согласии с тем, что известно о восприятии. Кроме того, было обнаружено, что эмоциональный опыт, связанный с положительным или отрицательным подкреплением, также влияет на восприятие. По сравнению с нейтральными слогами вознаграждаемые и наказываемые слоги воспринимались лучше.

Этот результат не противоречит рассмотренным выше данным, ибо он не умаляет значения вознаграждения, а лишь указывает на то, что не только награда, но и наказание облегчает восприятие.

Таким образом, как показывает исследование Кон, фактором, способствующим выделению фигуры из фона, является не только и не столько положительное подкрепление, сколько какое-то эмоциональное состояние, связанное с воспринимаемым предметом (независимо от того, является оно положительным или отрицательным). Такое объяснение дает Постман, которому принадлежит в этой области множество исследований: «Есть доказательства тому, что вознаграждение и наказание оказывают влияние на приобретение предрасположенности

к перцептивным реакциям. Как вознаграждение, так и наказание могут способствовать перцептивному научению, однако вознаграждение является, по-видимому, более эффективным, чем наказание» (там же, с. 86). Разумеется, не вознаграждение (или наказание) само по себе, а то эмоциональное состояние, которое оно вызывает, оказывает подкрепляющее влияние на перцептивное научение, а тем самым и на выделение фигуры из фона.

Здесь следовало бы сделать оговорку в отношении возможности сравнивать влияние наказания и вознаграждения. Постман считает, что вознаграждение является более эффективным, чем наказание. Однако трудно доказать этот тезис, поскольку не существует общей шкалы, с помощью которой можно было бы сравнивать силу вознаграждений и наказаний. Имеет ли потеря 15 центов такую же негативную силу, как приобретение 15 центов — позитивную? Это кажется весьма сомнительным: нельзя прямо сравнивать величину наказания с величиной вознаграждения, даже если они измеряются одними и теми же единицами, например денежными. Не имея же возможности сравнивать субъективную эмоциональную значимость применяемых раздражителей, мы не можем согласиться с утверждением Постмана.

Влияние эмоционального опыта на восприятие свойств предмета. Выделение предмета и точная оценка его свойств связаны с эмоциональным опытом человека. Об этом свидетельствуют, в частности, эксперименты Прошанского и Мэрфи по попарному сравнению линий и грузов (Proshansky, Murphy, 1942). Эксперимент проводился следующим образом.

Первая часть: испытуемые попарно сравнивали линии и грузы. Экспериментатор определял точность оценок.

Вторая часть: испытуемых распределяли в три группы — А, Б и В (см. табл. 6). Испытуемых группы В (контрольной) ни вознаграждали, ни наказывали.

Третья часть: испытуемые попарно сравнивали линии и грузы (как и в первой части).

Оказалось, что в третьей части эксперимента увеличилось число ошибок, характер которых зависел от того, что получало положительное подкрепление. Так, те испытуемые, которые получали вознаграждение за указание более длинных линий и более легких грузов (групп-

Таблица 6

Группа А	После предъявления	Группа Б
Вознаграждение	Более коротких линий	Наказание
Наказание	Более тяжелых грузов Более длинных линий Более легких грузов	Вознаграждение

па Б), обнаружили тенденцию к переоценке длины и недооценке веса. У испытуемых группы А, которые получали вознаграждение за указание более коротких линий и более тяжелых грузов, наблюдалась противоположная тенденция. У контрольной группы, не получавшей ни положительного, ни отрицательного подкрепления, не было обнаружено никаких изменений.

Таким образом, как и в предыдущих экспериментах, в данном случае эмоциональный опыт приводил к изменению перцептивных действий: изменялась точность восприятия различий между раздражителями.

В рассмотренных экспериментах эмоциональную значимость раздражителя определял экспериментатор, который применял вознаграждения или наказания согласно заранее выработанному плану. Известно, однако, что многие раздражители имеют естественную эмоциональную значимость, обусловленную тем, что в опыте человека установилась связь между ними и жизненно важными событиями. Это использовали в своих исследованиях Брунер и Гудмен. Они просили исследуемых детей, манипулируя регулятором проектора, высвечивать на экране кружок, соответствующий по размеру образцу (один раз уменьшая, другой — увеличивая кружок на экране). В качестве образцов использовались монеты и равные им по величине картонные кружки.

Как можно было предвидеть, при оценке величины предметов дети совершали ошибки, однако эти ошибки при воспроизведении размеров картонных кружков и монет не были идентичными; величина монеты казалась детям больше величины соответствующих кружков. Таким образом, обнаружилась тенденция к переоценке величины предметов, имеющих для ребенка определенную ценность. Степень переоценки была тем значительнее,

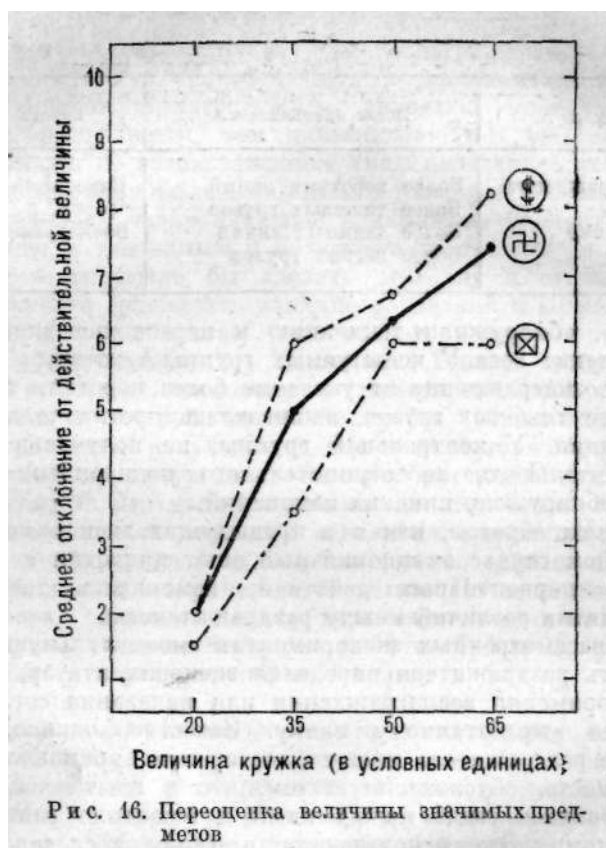

Рис. 16. Переоценка величины значимых предметов

Рис. 16. Переоценка величины значимых предметов

чем большего достоинства была монета, другими словами, двадцатицентовую монету дети переоценивали сильнее, чем пятицентовую (Брунер, 1977, с. 65—80).

Аналогичные исследования проводились со студентами. Испытуемые должны были воспроизводить величину пластмассовых кружков с нарисованными на них разными символами: позитивным (знак доллара), негативным (свастика) и нейтральным (геометрическая фигура).

Рис. 16 иллюстрирует две установленные в этом исследовании зависимости: точность восприятия зависит, во-первых, от величины предмета — при оценке более крупных кружков ошибка была больше (тенденция к переоценке), и, во-вторых, от эмоциональной значимости символа — кружки со знаком доллара и со свастикой оце-

нивались как более крупные, чем равные им по величине кружки с геометрическим рисунком; кроме того, кружок с положительным символом оценивался как более крупный, чем кружок с отрицательным символом (Bruner, Postman, 1958, гл. XXXII).

Таким образом, целый ряд данных указывает на то, что предметы, имеющие эмоциональную значимость, воспринимаются несколько иначе, чем нейтральные предметы, и что они (по терминологии Брунера и Постмана) акцентируются, что приводит к переоценке их величины, лучшему выделению из фона и т. п.¹ Однако все ли эмоциональные раздражители приводят к такому акцентированию?

Психологи-клиницисты приводят ряд фактов, свидетельствующих о совершенно противоположном: некоторые эмоциональные раздражители перцептивно как бы игнорируются, как будто человек защищается от них. Эта мысль нашла свое выражение в признании существования так называемой перцептивной защиты.

Существует ли перцептивная защита? Перцептивное игнорирование некоторых раздражителей было обнаружено во время клинических наблюдений и в естественных условиях, однако возникает вопрос: можно ли вызвать этот феномен в контролируемых экспериментальных условиях? Одной из первых и наиболее известных попыток проверить эти наблюдения был эксперимент, который провел в 40-х годах Мак-Гиннис. Он экспонировал тахистоскопически 18 слов, среди которых были так называемые слова табу (непристойные слова). Показателем перцептивных действий было минимальное время экспозиции, необходимое для распознавания слова. Для определения эмоционального влияния, которое оказывают слова, измерялась кожно-гальваническая реакция. Мак-Гиннис установил три основных факта:

для распознавания слов табу требуется более длительная экспозиция;

¹ Некоторые авторы оспаривают это утверждение. Так, Таффел высказывает мнение, что такой феномен наблюдается только в тех случаях, когда какое-то свойство предмета (например, величина, вес) и его значимость меняются параллельно; подобная зависимость свойственна монетам (чем больше монета, тем выше ее достоинство), но не свойственна банкнотам (Tajfel, 1959).

КГР при этих словах была большей; испытуемые считали, что распознавали слова табу так же быстро, как и другие слова (цит. по: Osgood, 1953). Таким образом, оказалось, что эмоционально значимые слова труднее распознавать, чем нейтральные, причем эти затруднения могут субъектом и не осознаваться. Эти данные были признаны экспериментальным подтверждением феномена перцептивной защиты. Однако такой вывод был преждевременным.

Более тщательный анализ фактов поколебал сформулированный таким образом тезис. Возражения против него представили Хауэс и Соломон (там же). Прежде всего они обратили внимание на то, что, согласно теории восприятия, время распознавания слова зависит от частоты его употребления в языке. Слова табу появляются в печати, несомненно, реже (либо вовсе не появляются), тогда как нейтральные слова встречаются часто, и это различие будет влиять на легкость (время) распознавания слов. Такое представление получило экспериментальное подтверждение: для контрольного эксперимента Постман и его сотрудники выбрали одинаково часто употребляемые слова табу и нейтральные слова (на основе частотного словаря английского языка, разработанного Торндайком и Лорджем). В этом случае оказалось, что время распознавания слов табу не отличалось от времени распознавания нейтральных слов (Postman, 1953, с. 73).

Основываясь на этих данных, исследователи не могли решить спор окончательно. Мак-Гиннис повторил свой эксперимент, подобрав на этот раз слова с одинаковой частотой употребления и используя в качестве испытуемых, помимо нормальных людей, еще и психически больных. В этом эксперименте Мак-Гиннис снова обнаружил различия во времени распознавания слов. Они отчетливо проявились у больных; у нормальных же испытуемых они были значительно меньше по сравнению с предыдущим исследованием (там же, с. 73—74).

Стало быть, если феномен перцептивной защиты и существует, то он не является слишком сильным и всеобщим; у разных людей он проявляется с различной силой.

Однако критики тезиса о перцептивной защите выдвигают еще одно возражение. Как утверждают Хауэс и Соломон, отмеченное различие, по-видимому, обусловлено не трудностью распознавания слова, а трудностью его

произнесения. Это значит, что защита является не столько перцептивной, сколько «исполнительной», и вызвана торможением воспроизведения того, что ранее было воспринято. В результате этого торможения эмоциональная реакция (в форме изменения сопротивления кожи) предшествует словесной реакции — предшествует, следовательно, не распознаванию, а высказыванию.

На это возражение нелегко ответить. В его пользу свидетельствует эксперимент, проведенный исследователем польского происхождения Р. Зайонцем. Чтобы выяснить, что именно вызывает затруднения у испытуемого: восприятие или воспроизведение слова табу — этот автор предлагал своим испытуемым заучивать пары слов, среди которых были слова табу и нейтральные слова; затем отдельные слова, заученные испытуемым, предъявлялись при помощи тахистоскопа с указанием, чтобы он реагировал не словом, которое видит, а ассоциированным с ним словом. Таким образом, были возможны четыре ситуации.

1. Испытуемый видит слово табу, произносит нейтральное слово (Т — Н).

2. Испытуемый видит слово табу, произносит табу (Т — Т).

3. Испытуемый видит нейтральное слово, произносит табу (Н — Т).

4. Испытуемый видит нейтральное слово, произносит нейтральное (Н — Н).

Проведя соответствующий анализ, Зайонц смог ответить на вопрос, обусловлено ли запаздывание реакции трудностями восприятия или воспроизведения. Если нарушения касаются восприятия, то система Т — Н должна быть труднее, чем система Н — Н. Если же нарушения возникают при воспроизведении, система Н — Т должна оказаться труднее, чем Н — Н, а системы Н — Н и Т — И не должны различаться. В результате анализа автор установил, что «порог распознавания зависел не от того, что видел испытуемый, а от того, что он должен был сказать, иными словами, эффект, описываемый как перцептивная защита, обусловлен нарушениями не восприятия, а выполнения» (Zajonc, 1962).

Это утверждение Зайонца вызывает некоторые сомнения, так как приводимые им данные оставляют лазейку для тезиса Мак-Гинниса. Так, время распознавания

системы Т — Н равнялось 0,180 сек, тогда как Н — Н — 0,172 сек. Правда, это различие не достигает уровня значимости 0,05, однако оно свидетельствует в пользу существования перцептивной защиты. Ведь распознавание системы, содержащей слово табу (Т — Н), требует, как видно, большего времени. Таким образом, хотя утверждение, что эффект перцептивной защиты является следствием торможения ответа, имеет серьезные логические и эмпирические основания, опираясь на результаты исследований, трудно решительно отказаться от тезиса о существовании перцептивной защиты.

Однако против него было выдвинуто еще одно очень серьезное возражение. Ф. Олпорт (цит. по: Inglis, 1960) считает, что этот тезис является противоречивым. Ибо если некоторый раздражитель сигнализирует об опасности и индивид избегает его, то, перед тем как его избежать, он должен его сначала воспринять. Тезис же о перцептивной защите предполагает, что человек еще до восприятия некоторого сигнала уже реагирует на него как на угрозу. Иначе говоря, это должна быть реакция, защищающая от того, что еще не воспринято.

Однако данный упрек является следствием упрощенного понимания восприятия. Восприятие предмета не подчиняется закону «все или ничего». Хотя оно и кажется моментальным актом, в действительности это процесс, протекающий во времени (см. Hebb, 1949, гл. V). Другими словами, восприятие происходит благодаря очень быстрому развитию определенной целенаправленной активности в центральной нервной системе и предполагает постепенный переход от нулевого состояния (отсутствие информации) к конечному состоянию (распознавание предмета). Не исключено, что, когда объект восприятия способен вызывать эмоцию, по мере приближения ко все более полному распознаванию эта эмоция может оказывать все более сильное влияние на этот процесс. Нет ничего удивительного в том, что такое влияние модифицирует восприятие, способствуя распознаванию или затрудняя его. Таким образом, упрек Олпорта не является убедительным. Спор о существовании перцептивной защиты может быть разрешен не теоретически, а экспериментально.

Между тем эмпирические данные не являются в этом случае однозначными. Получение эффекта, который мож-

но было бы однозначно определить как проявление перцептивной защиты, оказалось нелегкой задачей. Но так же нелегко представить данные, которые однозначно опровергли бы этот тезис. Эриксен (Eriksen, 1958), посвятивший этому вопросу много исследований, пришел к выводу, что все подобные явления объясняются скорее трудностями реагирования, а не восприятия. Блум, основываясь на собственных исследованиях (Blum, 1955), делает вывод о существовании перцептивной защиты, однако другие авторы, за исключением Осгуда (Osgood, 1957), не подтвердили его результатов (цит. по: Eriksen, 1958, с. 208).

Таким образом, утверждение психологов-клиницистов о том, что человек может хуже воспринимать то, что представляет для него угрозу, до сих пор не получило убедительного подтверждения в лабораторных экспериментах. Это может быть обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, возможно, что клинические наблюдения не были достаточно точными и факт, о котором идет речь, просто не существует.

Во-вторых, изучение перцептивной защиты проводилось не вполне корректно. Вероятно, ее легче было бы обнаружить с помощью иных приемов, используя не запретные слова (которыми испытуемые, возможно, свободно пользуются, но затрудняются их произнести в присутствии авторитетных лиц), а создавая такие ситуации, в которых человек испытывает сильный эмоциональный конфликт, имеющий жизненно важное значение. Ибо разве можно сравнивать положение описанных Г. Олпортом и другими авторами еврейских интеллигентов, пытавшихся не замечать признаков смертельной опасности со стороны набравшего силы фашизма, с экспериментальной ситуацией, созданной Мак-Гиннисом в других? Нужно было бы подвергнуть исследованию значимые сферы эмоционального конфликта и только на основе такого исследования делать выводы о том, существует перцептивная защита или нет.

Попытки исследовать перцептивную защиту в эмоционально значимых ситуациях дали обнадеживающие результаты. Так, Карпентер и его сотрудники провели анализ протоколов психологических исследований и на этом основании разделили испытуемых на две группы;

тех, кто обнаружил особую чувствительность к словесному материалу, касающемуся агрессивных или сексуальных импульсов, и тех, у кого наблюдалась тенденция к избеганию такого материала. Затем испытуемым обеих групп предложили распознавать предъявляемые с помощью тахистоскопа слова с явным агрессивным, сексуальным и нейтральным содержанием. Авторы установили, что у испытуемых второй группы порог распознавания слов с агрессивным и сексуальным содержанием гораздо выше, чем нейтральных слов (цит. по: Secord, Backman, 1964, с. 31).

Аналогичные результаты получили и другие авторы, применявшие подобную процедуру; так, Лазарус, Эриксен и Фонда, используя тест незаконченных предложений, выделили у испытуемых эмоционально значимые сферы и установили, что при предъявлении слов, касающихся этих сфер, у испытуемых обнаруживается тенденция либо к акцентированию (то есть лучшему восприятию), либо к искажению (то есть худшему восприятию) (Lazarus, Eriksen, Fonda, 1951).

В-третьих, возможно, что тенденция не замечать угрожающие или нежелательные факты не является общей особенностью людей. Клинические примеры так называемой истерической слепоты, при которой пациенты не видят, несмотря на отсутствие нарушений зрения, наводят на мысль, что склонность к перцептивной защите может быть свойственна только определенному типу личности (или только некоторому состоянию). На это указывает также и упомянутый эксперимент Карпентера и его сотрудников. Много систематических данных, свидетельствующих о том, что существуют индивидуальные различия, которые можно описывать на оси: склонность к вытеснению — чувствительность (repression — sensitization), было собрано Берном (Burne, 1961). Сопоставляя литературные данные, а также результаты собственных исследований, он пришел к выводу, что перцептивная защита свойственна людям, характеризующимся общей тенденцией к использованию механизма вытеснения и отрицания (repression, denying).

Наконец, в-четвертых, следует обратить внимание на то, что сигналы опасности качественно различны. Существуют сигналы, предвещающие опасность, которой можно избежать, но существуют также сигналы такой опасности,

которой избежать невозможно. Должна ли перцептивная реакция на тот и другой сигнал угрозы быть идентичной? Не исключено, что перцептивная защита будет скорее проявляться в отношении такой опасности, которой человек не в состоянии избежать. В то же время сигналы, предвещающие то, с чем человек может бороться, чего можно избежать, будут оказывать, по-видимому, акцентирующее, то есть облегчающее, влияние на восприятие.

Это предположение получило экспериментальное подтверждение. Так, Дьюлейни предъявлял испытуемым две серии геометрических фигур: при экспозиции первой серии испытуемые получали удар током каждый раз, когда из четырех экспонировавшихся фигур выбирали критическую форму. Во второй серии наказание следовало тогда, когда критическая форма (из четырех предъявляемых) не выбиралась; в контрольном эксперименте исследовался порог распознавания фигур обеих серий. Оказалось, что порог распознавания критических фигур первой серии был значительно выше, чем фигур второй серии, в которой при помощи выбора можно было избежать наказания (цит. по: Osgood, 1957). Таким образом, легкость восприятия сигнала зависела от того, что было с ним связано — наказание или избегание наказания.

Восприятие и эмоциональное состояние. Независимо от того, воспринимает ли человек предмет, имеющий для него значение, или же относительно нейтральный предмет, на содержание восприятия могут оказывать влияние эмоции, вызванные ранее действовавшими факторами. Это влияние проявляется прежде всего в изменении значения воспринимаемого содержания.

Одной из первых попыток экспериментального изучения этого влияния, предпринятой еще в 30-х годах, было исследование Меррея, проведенное с пятью одиннадцатилетними девочками. Испытуемые должны были оценить по девятибалльной шкале фотографии незнакомых им людей. Предлагались две серии (А и Б) фотографий, по 15 в каждой. Оценки производились три раза: в субботу днем, после возвращения из поездки (серия А), в субботу вечером, после «страшной игры в убийцу», вызывавшей сильное возбуждение и страх (серии А и Б), и в воскресенье днем, после возвращения с прогулки (серия Б). Девочки должны были оценить, насколько хоро-

шими или плохими кажутся им предъявленные лица. Сравнивая баллы, которые были поставлены лицам из серий А и Б в двух ситуациях (нейтральной и возбуждающей), можно было оценить влияние эмоционального возбуждения, одновременно исключая влияние фактора очередности предъявления. Результаты исследования показали, что состояние возбуждения вызывало изменение оценок; в 70% случаев эти изменения были негативными, то есть под влиянием возбуждающей игры девочки оценили лица как «более плохие». Следует, однако, отметить, что этот эффект не был сильно выраженным: изменение оценок составило в среднем около 0,5 балла по девятибалльной шкале (Mugray, 1958).

Аналогичный результат был получен нами в исследованиях, проведенных со студентами Варшавского университета, которые перед экзаменом (это был их первый экзамен в высшей школе) встречались с неизвестным им лицом якобы для выполнения некоторых предэкзаменационных формальностей. После экзамена они заполняли специальный лист¹, на котором должны были дать оценку этому человеку при помощи семибальной шкалы. Спустя несколько дней те же самые студенты выполняли легкий тест, после которого должны были при помощи такого же листа оценить человека (ранее им неизвестного), проводившего это исследование. В обеих ситуациях — экзаменационной (вызывавшей сильное эмоциональное возбуждение) и тестовой (вызывавшей, как предполагалось, значительно более слабое возбуждение) — объектом наблюдения были две молодые женщины А и Б.

1	Шкала оценок							
правильные черты лица	7	6	5	4	3	2	1	неправильные черты лица
красивый	7	6	5	4	3	2	1	некрасивый
ловкий	7	6	5	4	3	2	1	неуклюжий
интересный	7	6	5	4	3	2	1	неинтересный
речь правильная	7	6	5	4	3	2	1	речь неправильная
дружелюбный	7	6	5	4	3	2	1	недружелюбный
симпатичный	7	6	5	4	3	2	1	несимпатичный
тактичный	7	6	5	4	3	2	1	бестактный
приветливый	7	6	5	4	3	2	1	неприветливый
благоразумный	7	6	5	4	3	2	1	неблагоразумный
трудолюбивый	7	6	5	4	3	2	1	ленивый
популярный	7	6	5	4	3	2	1	непопулярный
добросовестный	7	6	5	4	3	2	1	недобросовестный
ответственный	7	6	5	4	3	2	1	безответственный

Половина испытуемых (группа I) видела А в ситуации сильного возбуждения, а Б — в ситуации слабого возбуждения, другая половина (группа II) — наоборот. Испытуемыми были студентки в возрасте 17—25 лет.

Такая организация эксперимента позволила сравнить оценки, которые получило лицо А в группе сильного эмоционального возбуждения (I) и в группе слабого возбуждения (II). Таким же образом сравнивались оценки, которые получило лицо Б.

Проводилось еще одно сравнение: для каждого испытуемого вычислялся показатель перцептивных изменений, характеризующий различие между оценками лиц А и Б на каждой из 14 шкал. Положительное значение показателя означало более высокую оценку лица, с которым испытуемые встретились в ситуации слабого возбуждения. В дальнейшем испытуемые были разделены на три группы: группу, в которой преобладали отрицательные показатели (выше оценивалось лицо, с которым испытуемые встречались перед экзаменом); группу, в которой преобладали положительные показатели (выше оценивалось лицо, которое проводило тестовое исследование), и группу, в которой число тех и других показателей было одинаковым (на одной половине шкал испытуемые отдавали преимущество лицу А, на другой — лицу Б) (см. табл. 7).

Установлено, что $2/3$ испытуемых обнаружили тенден-

Таблица 7

	Число испытуемых, у которых:			Всего
	преобладают положительные показатели	преобладают отрицательные показатели	равное число положительных и отрицательных показателей	
Группа I	9	3	4	16
Группа II	13	2	2	17
Всего	22	5	6	33

χ^2 для суммарных результатов равен 3,60, что приближается уровню значимости 0,05. (Исследовалось распределение 22 : 11, полученное при объединении второго и третьего столбцов, так как результат «равное число показателей» рассматривался как не соответствующий гипотезе.)

цию к более высокой оценке человека, с которым они встречались в ситуации, вызывавшей более низкий уровень эмоционального возбуждения. Другими словами, лицо А меньше понравилось группе I, чем II, а лицо Б меньше понравилось группе II, чем I.

Испытуемым, находившимся в состоянии сильного эмоционального возбуждения, оцениваемый человек казался некрасивым, менее интересным, недостаточно ловким, а также менее симпатичным, менее приветливым.

Аналогичный эксперимент был проведен А. Фрончем, однако он не подтвердил установленной ранее зависимости (Fraczek, 1964a). Возможно, что это связано с различиями в процедуре эксперимента. В исследовании Фрончека объектом оценки было лицо, знакомое испытуемым.

Представленные результаты свидетельствуют о том, что изменения, происходящие в восприятии, в какой-то мере связаны с содержанием эмоций: отрицательное эмоциональное состояние (страх, беспокойство, напряжение, предэкзамнационное возбуждение) вызывало смещение оценок в отрицательную сторону.

Связь между содержанием эмоций и изменениями в восприятии особенно наглядно проявляется в тех случаях, когда различия в восприятии можно исследовать в разных по содержанию эмоциональных состояниях.

Так, в эксперименте Постмана и Брауна испытуемые вначале выполняли определенное задание, причем одни испытуемые достигали успеха, а другие терпели неудачу. В следующей части эксперимента испытуемые распознавали слова, предъявляемые с помощью тахистоскопа. Оказалось, что группа, которая достигла успеха, лучше распознавала слова, выражающие успех (например, «совершенство»), тогда как группа, которая потерпела неудачу, проявила значительно большую чувствительность к словам, означающим неуспех (например, «неспособный») (Postman, Brown, 1952).

Мак-Клелланд и Аткинсон показывали испытуемым неопределенные картинки, часть которых могла иметь нечто общее с едой. Испытуемых распределяли в группы в зависимости от времени, которое прошло после последнего приема пищи. Оказалось, что голодные испытуемые чаще переоценивали величину предметов, имевших нечто общее с едой, по сравнению с другими предметами. Ген-

денция к переоценке величины упомянутых предметов не обнаружилась у лиц, которые не были голодны (McClelland, 1953, с. 489).

Моултон исследовал две группы студентов (различавшихся силой потребности в достижениях), определяя у них порог распознавания слов. Часть студентов исследовалась в обычных условиях, тогда как вторая часть — в условиях усиленной мотивации к достижению успеха, а следовательно, и соответствующего эмоционального состояния. Оказалось, что у некоторых испытуемых из группы, в которой была актуализирована мотивация к достижениям, порог распознавания слов, связанных с успехом и достижениями, был ниже; это были люди с сильно выраженной потребностью в достижениях (Atkinson, 1954, с. 90—91).

Эксперимент Моултона свидетельствует о том, что некоторые эмоции повышают чувствительность к специфическим связанным с ними раздражителям. Тот факт, что Моултон не обнаружил различий в чувствительности у испытуемых со слабой потребностью в достижениях, говорит, по-видимому, о том, что у тех, у кого эта потребность выражена слабо, труднее вызвать соответствующие эмоции.

Постман и Брунер установили, что состояние фрустрации способствует появлению у испытуемых ошибок восприятия, состоящих в превращении нейтральных слов в слова агрессивного или тревожного содержания (таких, как «взрыв», «уничтожение» и т. п.) (Postman, Bruner, 1948).

Однако к направленному изменению восприятия приводят не только временные эмоциональные состояния, но и устойчивые эмоциональные установки. Так, в серии исследований, в которых были использованы прожективные тесты, установлено, что испытуемые с высоким уровнем тревоги обнаруживают повышенную склонность к восприятию в предъявляемых ситуациях элементов угрозы. Другими словами, под влиянием эмоциональной установки проявлялась тенденция к восприятию большего числа раздражителей как раздражителей, вызывающих негативную реакцию (тенденция к более широкой генерализации) (Secord, Backman, 1964, с. 30).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что эмоциональный процесс является одним из факторов; который

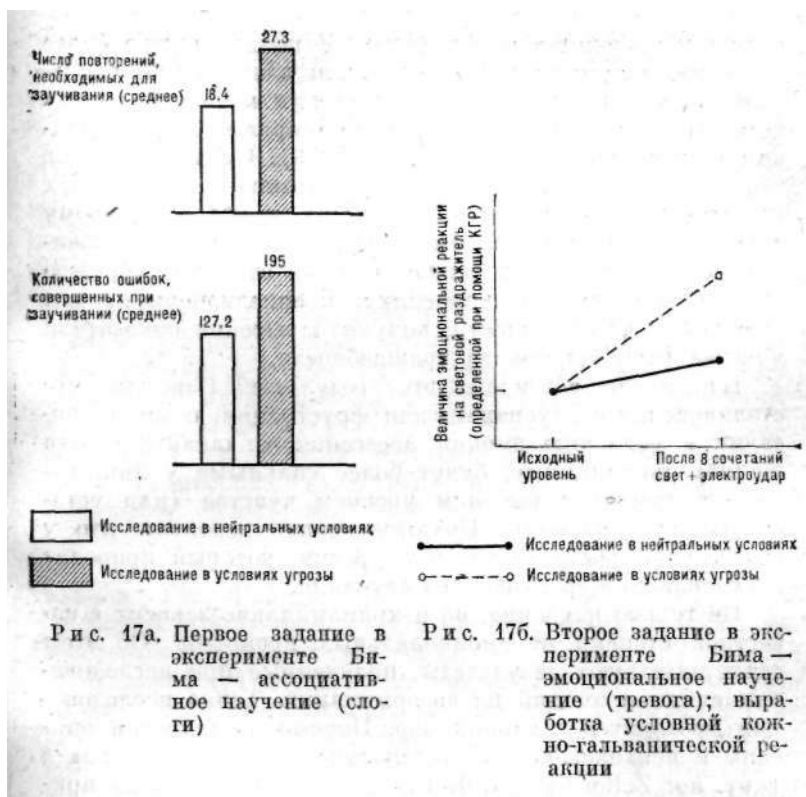
оказывает влияние на формирование перцептивного образа; это влияние состоит в проторении путей для тех перцептивных процессов, содержание которых соответствует содержанию эмоции.

Научение, воспроизведение мнемического материала и эмоции. Эмоции оказывают влияние на то, что человек воспринимает, но это влияние не приводит, в сущности, к принципиальному изменению воспринимаемого материала. Как подчеркивают многие авторы (Postman, 1953; Klein, 1956), главной детерминантой восприятия остается объективная действительность. С другой стороны, есть основания, чтобы заключить, что процесс запоминания, а также воспроизведения находится под влиянием эмоций в значительно большей степени.

Эмоции оказывают избирательное действие на процесс научения, способствуя установлению тех связей, которые каким-то образом соответствуют содержанию испытываемой эмоции. Об этом говорит, в частности, эксперимент, проведенный Бимом. Испытуемые в его опытах выполняли два вида заданий: заучивали ряд бессмысленных слогов, и, кроме того, у них вырабатывали условную эмоциональную реакцию на световой раздражитель, который предвосхищал болевое воздействие (выработка условной кожно-гальванической реакции); условным раздражителем было зажигание лампочки, а безусловным (подкреплением) — удар током. Второе задание, которое заключалось в усвоении того, что световой сигнал предвосхищает опасность, отличалось от первого тем, что его усвоение было опосредствовано тревогой (человек учился бояться света).

Исследование проводилось в двух разных условиях: в нейтральных, а также в условиях, вызывавших тревогу. Источником тревоги был университетский экзамен или участие в представлении перед большой аудиторией (исследование проводилось непосредственно перед экзаменом или выступлением).

Основной результат, полученный в этих исследованиях, заключался в том, что в условиях тревоги заучивание слогов происходило хуже, чем в нейтральных условиях (больше ошибок, больше повторений), тогда как

усвоение сигнала опасности — лучше, чем в нейтральных условиях. Можно предположить, что повышение уровня тревоги облегчает заучивание таких реакций, выработка которых опосредствована тревогой (Beam, 1955). Однако это не означает, что облегчающее влияние тревоги обнаруживается только при заучивании реакций, опосредствованных тревогой (или страхом). Как считает Спенс, тревога способствует усвоению всех реакций, если заучивается легкий материал (Spence, Farber, McFann, 1956, с. 230; обсуждение этой проблемы см. ниже, с. 241 и сл.).

Вывод о том, что состояние тревоги способствует усвоению «тревожных» (опосредствованных тревогой) реакций, который вытекает из исследований Бима, может рассматриваться как частный случай более общего утверждения, что эмоции облегчают усвоение реакций, которые

связаны с ними по содержанию. В пользу такого более широкого понимания установленной зависимости свидетельствуют результаты, полученные при изучении других эмоций. В качестве примера можно привести исследование Смита (см. Lazarus, Baker, 1956). Смит установил, что в условиях неуспеха (фрустрации) у некоторых испытуемых наблюдается тенденция к более быстрому заучиванию пар слов, имеющих агрессивное содержание. Смит обнаружил также, что это относится прежде всего к тем, кто по вопроснику, предназначенному для выявления черт личности, получили высокие показатели чувства (или установки) враждебности.

Как можно объяснить этот результат? Известно, что столкновение с неуспехом, или фрустрация, обычно приводит к усилению эмоций агрессивного характера. Эти эмоции, по-видимому, будут более сильными у лиц, характеризующихся высоким уровнем чувства (или установки) враждебности. Поэтому вполне вероятно, что у них эмоции достигают такого уровня, который приводит к изменению эффективности научения.

Не только научение, но и припоминание зависит в известной степени от эмоциональных процессов. Об этом свидетельствуют результаты, полученные при исследовании влияния эмоций на воспоминания. Такие исследования проводятся с давних пор. Первые их попытки описаны в психологической литературе около 70 лет назад (цит. по: Zeller, 1964). В качестве примера можно привести исследования Джерсилла (см. Crafts, Schneirla, Robinson, Gilbert, 1938, гл. XXI).

Джерсилл просил группу испытуемых в течение 7 мин письменно перечислить все приятные события последних трех недель. Затем тех же испытуемых просили в течение следующих 7 мин перечислить все неприятные события, случившиеся в тот же период. Никакой информации о целях эксперимента испытуемым не давалось. Спустя 21 день всех испытуемых просили еще раз припомнить всё приятные и неприятные события того же самого периода. Результаты, полученные Джерсиллом, представлены в табл. 8.

Как видно, уже при первой попытке испытуемые припоминали больше приятных событий, чем неприятных; это, впрочем, обычное явление, о котором свидетельствуют результаты многих других исследований. Почему

Таблица 8

	Среднее число приятных воспоминаний	Среднее число неприятных воспоминаний
Первая попытка	16,4	13,7
Вторая попытка (спустя 21 день)	7,0	3,9

так происходит? Высказывались разные предположения: возможно, в опыте людей больше приятных событий, чем неприятных? А может быть, неприятные воспоминания постепенно превращаются в приятные или неприятный опыт легче забывается?

Анализ результатов второго припоминания показывает, что наиболее вероятным является последнее предположение: испытуемые припомнили 43% из ранее указанных приятных событий и только 28% из неприятных.

Подобные результаты получены и в других исследованиях. Так, Кендлер (Kendler, 1949) обнаружил, что существует тенденция к лучшему запоминанию событий, в которых человек достиг успеха.

Изложенный эксперимент свидетельствует о том, что эмоции оказывают влияние на процесс запоминания и что влияние положительных и отрицательных эмоций различно. Возникает вопрос: в чем же состоит это влияние — способствуют ли положительные эмоции сохранению воспоминаний, или же отрицательные эмоции стирают их? А может быть, имеют место оба процесса?

Некоторый свет на этот вопрос проливают исследования, проведенные Кох. Она проводила на 10 очередных университетских занятиях короткие проверки и выставляла оценки. Все студентки каждый раз указывали на специальной шкале степень своей удовлетворенности полученной оценкой.

После пятидневного перерыва этих студенток просили вспомнить все 10 полученных оценок. Число¹ сохранившихся в памяти оценок (в%), расположенных на шкале удовлетворенности, представлено в табл. 9.

¹ По степени заинтересованности испытуемых в отметках Кох разделила их на две группы: с высокой и низкой мотивацией. Таблица относится к группе с высокой мотивацией.

Таблица 9

Оценки, которыми испытуемые были	Запоминались в %
Очень довольны	65
Довольны	37
Равнодушны	34
Недовольны	38
Очень недовольны	43

Свое исследование Кох проводила в 20-х годах и не применяла статистических методов анализа, однако из ее данных явно следуют три вывода: во-первых, положительных воспоминаний больше, чем отрицательных; во-вторых, отрицательный опыт запоминается лучше, чем нейтральный, и, наконец, в-третьих, запоминание зависит от силы эмоции: более сильные эмоции, независимо от их знака, способствуют запоминанию большего числа фактов.

Эти выводы подтверждают результаты финского исследователя Лампликоского. Он установил, что заучивание материала, связанного с достигнутым успехом, происходит лучше по сравнению с нейтральным материалом. Другими словами, положительная эмоция, связанная с тем ИЛИ иным материалом, облегчает его заучивание (Lamplikoski, 1965). В этой работе содержатся также некоторые данные, говорящие о том, что негативный опыт может облегчать научение в большей степени, чем нейтральный.

Таким образом, эмоции способствуют сохранению в памяти связанного с ним материала, причем положительные эмоции, возможно, облегчают запоминание в большей степени, чем отрицательные¹, а сильные — больше, чем слабые.

Такое представление противоречит другому распространенному в психологии мнению, согласно которому отрицательные эмоции оказывают на воспоминания подавляющее действие. Наиболее отчетливо этот тезис был сформулирован в психоаналитической концепции вытеснения (Фрейд, 1916).

¹ Как указывалось выше, сравнивать влияние положительных и отрицательных эмоций невозможно из-за отсутствия общей шкалы измерения.

Чтобы доказать существование феномена вытеснения, обнаруженного при клиническом наблюдении, было принято много экспериментальных исследований. Однако это оказалось весьма трудной задачей. Так, Зеллер (Zeller, 1964) провел эксперимент, на основе которого сделал вывод, что люди хуже воспроизводят заучиваемый материал, если перед этим испытали неудачу при выполнении другой мнемической задачи. Однако возникает вопрос, действительно ли в данном случае имело место вытеснение. Как видно из описания эксперимента, автор вызывал у своих испытуемых состояние очень сильного возбуждения, связанного с неудачей; не исключено, что ухудшение результатов при выполнении мнемической задачи объясняется просто чрезмерным возбуждением (значительным повышением уровня активации). Для доказательства того, что здесь имело место вытеснение, следовало бы установить, что ухудшение избирательно коснулось только некоторого содержания. Но указаний на это в работе Зеллера нет. Поэтому трудно согласиться с тем, что данное исследование служит подтверждением существования феномена вытеснения.

Другим экспериментом, проведенным для подтверждения этого феномена, был опыт Мак-Гранана. Испытуемых просили после предъявления существительных громко отвечать первым пришедшим в голову прилагательным. Однако их предупреждали, что за прилагательными, обозначающими цвета, будет следовать сильный удар тока. В контрольной группе никаких ограничений не вводилось и наказание не применялось.

Было установлено, что контрольная группа называла от 13 до 26 прилагательных, обозначающих цвета, а наказываемая — от 4 до 50; в этой группе большинство испытуемых называли очень мало таких прилагательных, но некоторые испытуемые называли их значительно больше, чем в контрольной группе (после эксперимента испытуемых спрашивали, какие «цветовые» прилагательные приходили им в голову, но не произносились из-за боязни получить удар тока — эти прилагательные прибавлялись к общему числу «цветовых» ассоциаций). Иными словами, наказание у одних актуализировало, а у других тормозило наказуемые ассоциации (McGranahan, 1958).

Можно, однако, сомневаться в том, имеет ли место в описанном эксперименте подлинное вытеснение. Как

явствует из описания, условия эксперимента создавали у испытуемых возможность сознательно ориентироваться в ситуации, поэтому не известно, в какой мере воздержание от произнесения прилагательных, обозначающих цвета, было «автоматическим». Вытеснение же, как известно, — это процесс, не контролируемый сознанием.

В связи с этим экспериментом следует подчеркнуть другой факт, который выявился в нем более отчетливо, чем вытеснение, и который наблюдался ранее на клиническом материале и был описан Фрейдом как «навязчивое воспроизведение» (Freud, 1957). Речь идет о том, что у ряда испытуемых число наказываемых ассоциаций возрастало. Это связано, по-видимому, с тем, что в некоторых случаях применение наказания не только не устраняет, но, напротив закрепляет наказываемые реакции. Эта проблема стала предметом многочисленных споров (см. Maier, 1949, 1956; Mowrer, 1960, с. 412 и сл.).

Существуют, однако, экспериментальные данные, говорящие о том, что исчезновение наказываемого содержания из сознания может происходить автоматически (без сознательного намерения). В качестве примера можно сослаться на эксперимент, проведенный Эриксоном и Кьютом (Eriksen, Kuehe, 1956).

Эти авторы установили, что наказываемые ассоциации исчезают из репертуара реакций и что такое исчезновение происходит независимо от того, отдает себе испытуемый отчет в причине наказания или нет. Они применяли удар тока каждый раз, когда испытуемый в ассоциативном эксперименте произносил определенные слова (произвольно выбранные экспериментаторами, которые, однако, не предупреждали испытуемых о причине удара тока). Оказалось, что наказываемые ассоциации исчезали, причем даже у тех лиц, которые до конца эксперимента не догадывались о причине наказания.

Попыткой объяснить механизм вытеснения является теория, выдвинутая Доллардом и Миллером. Согласно этим авторам, исчезновение из сознания некоторого содержания происходит по тому же принципу, что и устранение поведенческих реакций (Dollard, Miller, 1950). Эта мысль развивается Маурером, по мнению которого исключение наказываемых реакций происходит благодаря тому, что наказание связывает их с отрицательной эмоцией; последняя вызывает торможение как внешних

реакций, так и знакового содержания — воспоминаний (Mowrer, 1960).

Механизмом вытеснения трудно, однако, объяснить полученные факты: установление связи между отрицательной эмоцией и некоторым содержанием иногда способствует осознанию этого содержания (как, например, в эксперименте Кох), а иногда затрудняет его (как в эксперименте Мак-Гранана)¹. Как же разрешить это противоречие?

Напрашивается мысль, что отрицательная эмоция может находиться в двух принципиально различных связях со знаковыми реакциями человека: в инструментальной и ассоциативной. Инструментальной является такая связь, в которой определенные знаковые реакции вызывают наказание (например, появление прилагательного, обозначающего цвет, влечет за собой удар тока, а появление импульса, выражающего враждебное отношение, вызывает чувство вины). Ассоциативная связь предполагает совместное проявление знаковой реакции и эмоции (знаковая реакция в данном случае не является причиной эмоции, например воспоминание о полученной плохой отметке не влечет за собой повторения наказания).

Предполагая, что наказание вызывает отрицательную эмоцию (такова главная функция наказания), можно считать, что отрицательная эмоция и является тем, что фактически закрепляет или тормозит ассоциации.

В эксперименте Мак-Гранана связь между наказанием и действием носила инструментальный характер. Это означает, что появление определенной реакции («цветовой» ассоциации) приводило к отрицательной эмоции, связанной с ударом тока.

В эксперименте Кох эта связь носила ассоциативный характер — появление определенной реакции (воспоминание о плохой оценке) не влекло за собой никаких фактических последствий, а только воспроизводило связанное с ней эмоциональное состояние.

• Таким образом, когда отрицательная эмоция находится с некоторой реакцией в инструментальной связи, она оказывает на нее подавляющее действие; когда же

¹ Впрочем, и в экспериментальной ситуации Мак-Гранана наказание вызывало у некоторых испытуемых эффект облегчения.

эта связь носит ассоциативный характер, отрицательная эмоция способствует этой реакции.

Такое представление сталкивается с той трудностью, что припоминание плохой оценки также является в некотором смысле инструментальной связью, так как при этом возобновляется переживание неудовольствия. Возможно, что здесь мы имеем дело с двумя противоположно направленными векторами: с подавлением и облегчением. Конечный эффект зависит от соотношения этих двух векторов. Впрочем, двойственное влияние эмоций отмечено и в других исследованиях. Так, С. Мика установил, что материал, вызывающий сильную эмоциональную реакцию, запоминается либо лучше, либо хуже, чем нейтральный (Мика, 1963, гл. VI).

Кроме того, еще одна трудность связана с тем уже упоминавшимся фактом, что в некоторых случаях отрицательная эмоция, будучи в инструментальной связи с определенной знаковой реакцией, способствует повторению этой реакции.

Этому факту даются различные объяснения. Майер высказал мысль, что чрезмерно сильное наказание вызывает совершенно иные последствия, чем слабое наказание, а именно аномальную фиксацию (Maier, 1949, 1956). Это утверждение согласуется с наблюдениями Павлова, который установил, что очень сильный раздражитель может привести к возникновению в коре мозга патологической инертности возбуждения и тем самым к появлению определенных упорно повторяющихся реакций (Павлов, 1949, с. 402).

Такое объяснение оспаривал Маурер, считая, что оно основано на недостаточно тщательном анализе данных. Более глубокий анализ проблемы свидетельствует, по его мнению, о том, что повторение наказываемой реакции приносит индивиду некоторое, на первый взгляд незаметное, вознаграждение. В таком случае тенденция к повторению обусловлена, разумеется, не отрицательной, а положительной эмоцией (Mowrer, 1960).

В заключение можно сформулировать общий вывод о том, что эмоции оказывают избирательное влияние на процессы памяти. Это влияние может состоять как в облегчении, так и в затруднении тех или иных актов припоминания.

§ 2. Эмоциональные процессы и реорганизация приобретенного опыта — процессы воображения, фантазии и мышления

Информация, которую человек получает о мире — то, что он воспринимает и запоминает, — представляет собой «исходный продукт», который подвергается самым различным преобразованиям. Такие преобразования могут происходить спонтанно и не служить никакой цели, намеченной субъектом (в таком случае они представляют собой поток образов воображения и фантазии), или же могут принимать более или менее организованные формы, направленные на разрешение определенной задачи. Наиболее детализированной, структурированной и целенаправленной формой интеллектуальной деятельности является процесс мышления; эта форма получает развитие тогда, когда человек для разрешения определенной проблемы предпринимает специальные усилия.

Интеллектуальная деятельность может в большей или меньшей степени испытывать влияние со стороны эмоциональных процессов. Особенно отчетливо это влияние сказывается на процессах воображения. Так, эмоция, вызванная длительным голоданием, приводит к появлению фантазий, имеющих характер удовлетворения желаний, то есть фантазий компенсаторного характера. Наблюдения за группой лиц, добровольно согласившихся принять участие в эксперименте, который проводился в США в 1945 г. и состоял в полугодовом ограничении их продовольственного пайка до уровня голодания, показывают, что одним из типичных следствий голодания было усиление фантазий, связанных с темой вкусной пищи. Так, один из испытуемых как-то до пяти часов утра читал кулинарную книгу, чтобы оказать своему воображению помощь образами конкретных блюд (цит. по: Secord, Backman, 1964, с. 21).

Какое глубокое влияние на воображение, ожидания и даже жизненные планы может оказать такой опыт, показывают наблюдения авторов, исследовавших этих испытуемых: «Некоторые лица заходили так далеко, что изменяли свои жизненные планы соответственно новому отношению к пище. На одного из них, например, произвело такое сильное впечатление значение развития эффективных методов увеличения продовольствия, что он

решил сделать своей профессией сельское хозяйство. Другие намеревались стать поварами» (Franklin, Schiele, Brozek, Keys, 1958, с. 348). Следует добавить, что у ряда испытуемых в конце периода голодания появилась сильная тенденция к избеганию тем, связанных с едой, а также к возникновению приступов раздражения всякий раз, как только затрагивалась эта тема. Эти наблюдения находят подтверждение в рассказах людей, голодавших во время войны. Сильная эмоция, связанная с отсутствием чего-либо, вызывает наплыв компенсаторных фантазий, однако спустя некоторое время она может привести к исчезновению фантазий и избеганию тем, связанных с испытываемым дефицитом.

Такие же изменения в воображении наблюдаются при остром эмоциональном состоянии, вызванном, например, голоданием в течение дня. Аткинсон и Мак-Клелланд провели эксперимент с группой опытных моряков-подводников, не получавших пищи в течение одного, четырех и шестнадцати часов, попросив их составить короткие рассказы на основе предъявленных картинок. В своих рассказах испытуемые должны были ответить на четыре вопроса: 1) что здесь происходит, кто изображен на картинке? 2) как возникла эта ситуация, то есть что произошло в прошлом? 3) каковы чувства и желания действующих лиц? 4) что сейчас произойдет, что будут делать персонажи? (Эти вопросы заимствованы из проективного теста Меррея — ТАТ.)

Полученный материал был категоризирован согласно заранее составленной системе, выделяющей все утверждения, касающиеся еды, потребности в пище, способов ее добывания и т. п. Вычислялась частота такого рода высказываний. Оказалось, что по мере увеличения времени с момента последнего приема пищи число высказываний, связанных с едой, возрастало (Atkinson, 1954). Аналогичные результаты получили и другие исследователи, например Санфорд (цит. по: Sherif M., Sherif C, 1948, с. 67).

В серии исследований, проведенных Мак-Клелландом, Аткинсоном и их сотрудниками (McClelland, Atkinson, Clark, Lovell, 1953; Atkinson, 1960), было установлено, что изменения в содержании воображения наступают также в связи с возбуждением других эмоционально-мотивационных состояний. Так, например, заметные изме-

нения в содержании фантазий происходят в ситуациях соревнования или решения трудных интеллектуальных задач (то есть в ситуациях, вызывающих у человека желание как можно лучше выполнить задание). Когда после таких занятий испытуемые составляли рассказы на тему предъявленных картинок (по указанной выше инструкции теста Меррея), было отмечено заметное увеличение в этих рассказах тем, связанных с потребностью в достижениях (появлялись высказывания об усилиях, успехах и неудачах и т. п.).

Определенные изменения в содержании воображения вызывает также состояние фрустрации. В проведенном нами эксперименте две группы слушателей школы милиции получали во время занятий по психологии задание составить рассказы по четырем предъявляемым по очереди картинкам методики ТАТ. Рассказы надо было написать на специальных бланках, содержащих вопросы из инструкции этого теста. Условия выполнения задания различались в обеих группах только тем, что в одной из групп перед занятиями появлялся начальник, который сообщал, что, согласно распоряжению коменданта школы, на шесть недель будут задержаны все выезды домой (увольнения). Такая информация имела сильный стрессовый характер, поскольку для людей, длительное время разлученных с семьей и родными, поездка домой имела огромное значение и считалась наиболее ценным поощрением. Такая процедура создавала возможность исследования фантазии в двух группах, находящихся в различных эмоциональных состояниях: в группе, в которой при помощи стрессового фактора вызывалось состояние острого недовольства, злости, обиды, раздражения, разочарования (группа *S*), и в группе, которую можно назвать нейтральной (группа *N*). Таким образом было обследовано 109 испытуемых (61 в группе *S* и 48 в группе *TV*).

Полученные протоколы анализировались двумя судьями, которые на основе заранее подготовленной системы категорий идентифицировали содержание агрессивного характера. Оказалось, что в рассказах группы 5 агрессивного содержания было в $1\frac{1}{2}$ —2 раза (в зависимости от категории) больше, чем в группе *N* (см. табл. 10).

Таким образом, в фантазии людей, находящихся в отрицательном эмоциональном состоянии (фрустрации), наблюдается заметное увеличение числа агрессивных

Таблица 10

Фантазии, касающиеся	Показатель, полученный в группе	
Физической агрессии	0,63	0,95
Вербальной агрессии	1,15	1,64
Агрессивных мыслей и чувств	0,65	1,25
Противопоставления, игнорирования (так называемой косвенной агрессии)	0,56	1,00
Общий показатель агрессии	0,62 $e = 4,18$	0,95 $p < 0,01$

элементов. Надежность полученных данных подтверждается тем фактом, что корреляция оценок судей составляла 0,72.

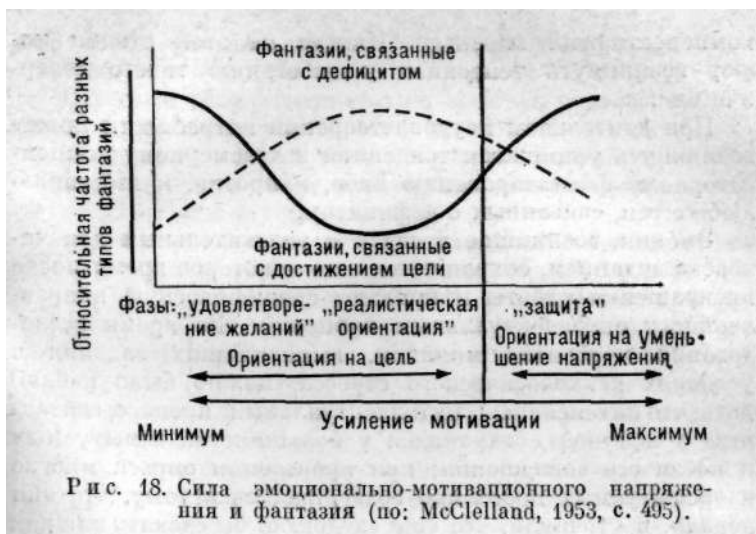
Эти результаты свидетельствуют, во-первых, о том, что под влиянием выраженного эмоционального состояния усиливается тенденция к фантазированию¹; и, во-вторых, содержание этих фантазий зависит от содержания эмоционального состояния.

Эти утверждения нуждаются в некоторых оговорках. Прежде всего, зависимость содержания фантазии от эмоций в свою очередь определяется силой эмоционального возбуждения. Это было установлено в экспериментах, в которых голодание продолжалось до 24 часов. В этих случаях наблюдались два важных факта:

возникающие фантазии связаны прежде всего не столько с самой пищей, сколько с предметами и ситуациями, необходимыми для получения пищи, то есть с предметами, которые находятся в инструментальном отношении к пище (McClelland, 1953, с. 495);

увеличение числа фантазий, связанных с пищей, происходит только до определенного момента, а затем наблюдается уменьшение фантазий такого содержания (Levine, Chein, Murphy, 1942).

¹ Эта зависимость была установлена в школе Курта Левина и описана как феномен бегства в ирреальность, который проявляется в случае столкновения с ситуацией, не поддающейся овладению (Lewin, 1935).

Р и с. 18. Сила эмоционально-мотивационного напряжения и фантазия (по: McClelland, 1953, с. 495).

Если состояние дефицита продолжается, число фантазий, по-видимому, вновь возрастает, однако эти фантазии имеют уже другое содержание — компенсаторное. Данную зависимость иллюстрирует график на рис. 18.

Таким образом, характер фантазий, связанных с эмоциями, вызванными неудовлетворением какой-либо потребности, меняется следующим образом:

непосредственно после удовлетворения: небольшое усиление процессов фантазии и воображения, связанное с только что завершившейся активностью — приятные воспоминания, наслаждение;

затем число фантазий, связанных с удовлетворением потребности, уменьшается, но постепенно возрастает число фантазий, которые имеют отношение ко всему, что может способствовать удовлетворению потребности, то есть усиливаются фантазии инструментального характера;

когда величина дефицита становится весьма значительной, готовность к фантазированию ослабевает и возникает сильная тенденция к действию, к принятию решительных мер для удовлетворения потребности;

на следующей стадии число фантазий вновь возрастает, однако теперь это уже «удовлетворение желаний в воображении», иными словами, фантазии носят

компенсаторный характер. Иногда на этой стадии может возникнуть тенденция к избеганию такого содержания¹.

При длительном неудовлетворении потребности может возникнуть устойчивая тенденция к чрезмерному компенсаторному фантазированию либо, напротив, к избеганию любых тем, связанных с дефицитом.

Эмоции, возникшие в связи с увлекательным для человека заданием, сохраняются еще некоторое время после прекращения работы и придают специфическую направленность интеллектуальным процессам. Во время исследования курсантов милиции, выполнявших задания в условиях психологического стресса, можно было наблюдать, что интенсивный интеллектуальный процесс, связанный с заданием, сохранялся у большинства испытуемых и после его завершения; при проведении опроса многие из испытуемых постоянно возвращались к тому, что они делали, и уточняли, что еще следовало бы сделать или как можно было бы вести себя в ситуации, в которой они только что действовали. Это было продолжением (в умственном плане) действий по выполнению задания. Многие высказывания носили также и другой характер: испытуемые хотели доказать (самому себе и другим), что ошибки и оплошности, совершенные при выполнении задания, не являются их виной или что вина их незначительна; эти высказывания имели защитный характер (Reykowski, 1966a, с. 314—315).

Приведенные наблюдения, так же как и рассмотренные ранее данные Мак-Клелланда, говорят о том, что эмоциональный процесс способствует таким интеллектуальным процессам, которые могут помочь устранить источник эмоций. Другими словами, эмоциональные процессы можно рассматривать как нечто вроде механизмов селекции, которые облегчают осуществление интеллектуальных функций, имеющих инструментальное значение.

Каковы же в свете приведенных фактов роль и влия-

¹ Следует напомнить, что такое влияние состояния потребности (и связанной с ним эмоции) на протекание познавательных процессов было описано польским ученым Л. Петражицким около 70 лет назад, хотя представленная им схема является весьма упрощенной и не охватывает важных этапов этой зависимости (1908, § 13). •

ние эмоциональных процессов на протекание процессов воображения и мышления?

В весьма общем виде можно констатировать, что эмоциональные процессы:

во-первых, активируют интеллектуальные процессы, то есть содействуют их усилению, значительному расширению, а иногда и ускорению;

во-вторых, оказывают избирательное влияние на содержание интеллектуальных процессов, способствуя возникновению таких ассоциативных процессов, содержание которых связано с содержанием эмоциональных процессов; эмоция агрессии способствует появлению агрессивных ассоциаций, эмоция страха — тревожных и т. п.

Клинический пример такого рода связи приводит, в частности, Сол. Один из его пациентов в радостном настроении после недавно испытанного успеха припоминал во время терапевтического сеанса приятное событие, имевшее место несколько лет назад, когда он с тремя школьными товарищами был в гостях. Однако он не мог вспомнить имени одного из своих товарищей. Это имя он припомнил только через несколько дней, когда рассердился на врача. Оказалось, что этого забытого товарища испытуемый очень не любил и с ним было связано много неприятных воспоминаний. В данном случае гнев на врача облегчил припоминание неприятного лица (Saul, 1960, с. 174).

Такое избирательное влияние эмоций может в некоторых случаях привести к деформации процесса мышления, к нарушению его логической структуры в соответствии с доминирующим эмоциональным состоянием. Наиболее отчетливо это проявляется в ситуациях, в которых эмоции достигают значительной силы. Поэтому этот феномен легче наблюдать в естественных, чем в лабораторных условиях.

Примером может служить отчет об известном случае массовой паники, начавшейся в 1938 г. в США в связи с радиоспектаклем о вторжении марсиан. Передача оказалась столь впечатляющей, что, как было подсчитано, около миллиона людей было охвачено страшной паникой, проявившейся в попытках бегства, молитвах, телефонных предупреждениях родных и знакомых, взывании о помощи и т. п. Кэнтрил собрал об этом случае подробную информацию от 153 очевидцев, 100 из которых было ох-

вачено сильной паникой. Он обратил внимание, в частности, на тот факт, что в состоянии сильного испуга получаемая информация интерпретировалась таким образом, что не только не опровергала ошибочное убеждение, но еще более его усиливала. Кэнтрил приводит, например, рассказы людей, которые, желая понять, что происходит, выглядывали в окно.

«Посмотрел в окно — все выглядело как обычно, и я подумал, что все это еще, видимо, не достигло нашего района».

«Выглянул в окно, аллея Вайоминга оказалась черной от машин. Люди убегают,— подумал я».

«Ни один автомобиль не проезжал по нашей улице. Наверно, уничтожены дороги и остановлено движение, — подумал я» (Cantril, 1958, с. 295).

Таким образом, хотя люди наблюдали совершенно разные вещи, они придавали тому, что видели, один и тот же смысл, соответствующий заранее образовавшейся эмоциональной установке.

§ 3. Факторы, определяющие избирательное влияние эмоций на познавательные процессы

Рассмотренные данные свидетельствуют о том, что под влиянием эмоций все виды познавательных процессов — восприятие, воображение, память, мышление — подвергаются определенным модификациям. В результате таких модификаций они приобретают прежде всего избирательность и направленность.

Изменения, происходящие в познавательных процессах, связаны с содержанием протекающего эмоционального процесса: агрессивные эмоции способствуют агрессивным мыслям, ревность — тому, что человек замечает даже мельчайшие признаки неверности, удовлетворенный человек вспоминает прежде всего приятные минуты жизни и т. п.

Однако для более детальной характеристики этой зависимости необходимо подробнее остановиться на понятии содержания эмоций. Говоря об этом, мы имеем в виду своеобразную организацию мозговых процессов, специфические особенности которой можно определить при помощи указания на тройное отношение этой организации к внешнему миру: отношение к обстоятельствам, которые